
М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

**К вопросу о литературном контексте канонов
Кирилла Туровского: «Плач Адама»***

В 2004 г. Натальей Владимировной Поньрко три древнерусских покаянных канона были атрибутированы Кириллу Туровскому.¹ Позднее исследовательница доказала авторство Кирилла также и текстологически.² Н. В. Поньрко привела неоспоримые примеры текстуальной близости трех канонов между собой и показала механизмы заимствования и «перекличек» отдельных выражений и слов во всех трех канонах. Как выясняется в результате ее наблюдений, Кирилл Туровский был и автором, и редактором собственного текста. В результате стала более наглядной работа древнерусского писателя с созданным им первоначальным канонам: «и текстологический анализ, и анализ поэтики, — пишет Н. В. Поньрко, — и подробности содержания трех канонов подводят нас к следующим выводам. Кирилл Туровский был творцом великопостного покаянного канона с буквенным краестрочием, сохранившегося в рукописи XIV в. РНБ, Софийское собр., № 1052. На основе этого великопостного канона сам он позже составил два разных, но близких между собой повседневных канона с покаянным содержанием, один из которых дошел до нас в составе рукописи 1490 г. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 118/375, а другой — в составе старопечатного издания “Полуустава” (Вильно, 1622)».³

Задача настоящей заметки заключается в небольшом расширении литературного контекста и в указании на некоторые аллюзии покаянных канонов Кирилла Туровского. Так, например, отдельные фразы из всех трех канонов: «Быстроглаголиво слово и льстива уста, быстростужающи речь языкъ не(ж) избавит мя от муки»,⁴ или другой вариант: «Хитроглаголиво

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Библиотека Императорского Православного Палестинского общества» в составе книжного собрания научной библиотеки Государственного музея истории религии», проект № 14-63-01001.

Рождественская М. В. — д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Филологического ф-та СПбГУ (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; m.rozhdestvenskaya@spbu.ru).

¹ Поньрко Н. В. Покаянные каноны Кирилла Туровского: (Вопросы атрибуции) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 240–263.

² Поньрко Н. В. Покаянные каноны Кирилла Туровского: (Вопросы текстологии) // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58. С. 254–281.

³ Поньрко Н. В. Покаянные каноны... С. 252.

⁴ Там же. С. 259.

слово, увѣтлива уста, быстростружуща рѣчь языка не избавить мене от муки»⁵ отсылают к «Слову Даниила Заточника». Сравним: «...и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость».⁶ Приведенные фразы являются, как известно, вариацией текста Псалма 44: «Излияся благодать во устнахъ Твоихъ». Глагол «излияся» соотносится с образом быстрых струй реки, в котором река коррелирует со словом, языком, речью (ср., например, «Повесть временных лет» под 6545 г., где книги, т. е. священное слово, сравниваются с «реками, напоющими вселенную» и называются «исходищем мудрости»)⁷. Интересно, что во фразе, используемой Кириллом Туровским, обыгрывается сходное звучание слов «речь» и «река». Речь человека может струиться, как быстрая река, и одновременно река может также струиться, подобно искусной речи. Кстати сказать, поэтому кажется не случайным обозначение сборников древнеславянских переводов гомилетических сочинений Иоанна Златоуста и святых отцов «Златоустом» или «Златоструем», независимо от их не во всем идентичного содержания.

Еще одна фраза из «Покаянного канона молебна Кюрила», в которой он называет себя «философом хитрорѣчия и пѣвцом доброгласия», также близка по смыслу тексту «Слова Даниила Заточника»: «прими мою худую молитву, не мудростию слагаему, но от горести душа о грѣсехъ приносиму».⁸ В данном случае нам представляется возможным в выражении «худая молитва» видеть не только самоуничжительный смысл, столь привычный для средневековых книжников, но и, подобно автору «Слова Даниила Заточника», — молитву еще и искусную, хоть и «не мудростию слагаему», но все же «пѣвцом доброгласия».

В свое время В. П. Виноградов, характеризуя проповедническое творчество Кирилла Туровского, сравнил его с мозаикой, в которой «отдельные мелкие элементы, как драгоценные камни, взяты готовыми из различных источников».⁹ Известно, что Кирилл Туровский активно использовал для своих торжественных проповедей источники самого разного плана — и традиционные (богослужбные), и неканонические, такие как, например, переводные «слова» Епифания Кипрского «В великую субботу о снятии тела Христова с креста и о погребении Господнем» и Евсевия Александрийского «О сошествии Иоанна Предтечи в ад» на страстную седмицу, не считая уже евангельских и ветхозаветных текстов. То же, по-видимому, можно сказать и о канонах Кирилла Туровского, покаянное содержание которых связывает их, как и его молитвы, с жанром плачей. Так, например, в молитве Кирилла «в среду по часах к святой Богородице» читаем: «тужу, скорблю, и печалью уязвляюся... со слезами вопию ти, Мати Божия Пречистая, умоли Христа человеколюбца, да не помянет многих безаконни моих, но изба-

⁵ Поньрко Н. В. Покаянные каноны... С. 258.

⁶ БЛДР / Подгот. текста, пер., коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 268.

⁷ ПВЛ / Подгот. текста, пер., статьи, коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 66.

⁸ БЛДР. Т. 4. С. 268.

⁹ Виноградов В. П. О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского // Сб. статей: В память столетия (1814–1914) Императорской Московской Духовной академии. Сергиев-Посад, 1915. Ч. 2. С. 176.

ви мя плача оного бесконечнаго...».¹⁰ Или другой пример: «ныне же раб греховный и того ради стену из глубины сердечныя, и слезю болезненною ми душею судный часъ помышляю и весь изнемогаю...», и далее: «надею бо ся Твоя милости и въпию к Тебѣ воплемъ великымъ». Еще пример: «да кто дасть очима моима слезы да ся плачу к милостивому Богу», «того ради тужю и скорблю и печалуюся».¹¹

Уже сама тема плача кающегося грешника отсылает к первому грешнику на земле, к Адаму, о грехопадении и покаянии которого упоминается и в канонах Кирилла. Н. В. Поньрко показала, что один из них, а именно «Канон молебн Кюрила грѣшнаго», частично ориентирован на Великий покаянный канон святого Андрея Критского, в котором «душа человека как бы несет в себе всю историю человечества от грехопадения ветхого Адама до воскресения и вознесения нового Адама — Христа».¹² Исследовательница указала на общий мотив, связывающий оба канона — Андрея Критского и Кирилла Туровского: это «увещевание, обращенное к собственной душе».¹³ Слово «душа» повторяется в текстах канонов Кирилла очень часто. Среди примеров из Великого канона Андрея Критского Н. В. Поньрко привела фразу из 1-й песни: «Увы мнѣ, окаянная душе, что уподобися первѣй Еве...», т. е. душа грешника здесь сравнивается с согрешившей в раю Евой. В «Каноне молебне Кюрила грѣшнаго. Глас 5», песнь 9, ирмос, читаем: «Тя по естеству Деву и паче естества Бога рожьшю, еви-ну клятву потрѣбивша и Адама от узъ избавльшаго, егоже нынѣ моли, подати ми оставленье грѣхов...». Весь тон Великого канона святого Андрея Критского и канона Кирилла Туровского — это не только раскаяние, но и плач о потерянном или чаемом блаженстве. Каждый исповедующийся в грехах невольно вспоминает о «первозданном» грешнике Адаме, отождествляя себя с ним.¹⁴ В Ветхом Завете в рассказе о грехопадении Адама и Евы и изгнании их из рая не упоминается о том, что они плакали о своей горестной участи. Однако в апокрифических разноязычных версиях повествования об Адаме и Еве, в том числе и в древнеславянской, говорится о плаче Адама, сидящем (или стоящем) пред райскими дверями.¹⁵

¹⁰ *Розагевская Е. Б.* Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. М., 1999. С. 180.

¹¹ Там же. С. 91—93, 100, 111—112.

¹² *Поньрко Н. В.* Покаянные каноны... С. 246.

¹³ Там же.

¹⁴ Более подробно об этом см.: *Kowalska H.* Rosyjski wiersz duchowny I kultura religijna staroobrzędowców pomorskich. Wrocław; Warszawa; Krakow etc., 1987. S. 41—48. Автор раздела о стихе об Адаме и рае рассматривает его в связи с обрядовыми и религиозными практиками Великого Поста и Пасхальной ночи, т. е. связывает его с чаянием Адама будущего воскресения. Она пишет, что «время в стихе — это время эсхатологическое, в котором соединились Адам — Человек — Христос» (С. 47 и след.).

¹⁵ См. недавнее издание разноязычных апокрифических версий об Адаме и Еве: *Vita latina Adae et Evae. Synopsis Vitae Adae et Evae: Latine, graece, armeniace et iberice. Adivante et opus perficiente Jean-Daniel Kaestli* (Corpus Christianorum. Series Apocryphorum. 18—19). Turnhout: Brepols Publishers, 2012. В январе 2014 г. в Лозаннском и Женевском университетах (Швейцария) состоялся 4-й научный международный colloquium по иудейской и христианской апокрифической литературе на тему «Житие Адама и Евы и адамические традиции» (*La Vie d'Adam et Eve et les traditions adamiques* (7—10 janvier 2014)).

Восточно-христианская и древнеславянская рукописные традиции знают неканонические сочинения об Адаме, такие как «Сказание, от скольких частей был сотворен Адам», «Рукописание Адама», «Сказание о крестном древе», цикл текстов об Адаме и Еве «Сказание об Адаме и Еве от начала и до свершения», который в конце XIX в. исследовал И. В. Ягич по девяти славяно-русским спискам и в который входит «исповедание Евы».¹⁶ Апокрифические сюжеты об Адаме, связанные с темами потерянного рая, покаяния и выведения Адама из ада, с историей жизни Адама и Евы после изгнания, с рукописанием Адама, данным им дьяволу, с историей «крестного древа» — голгофского креста, которые распространялись в древнеславянской книжности, можно определить как «единый адамитский текст».¹⁷ Он имеет межзаветный характер, поскольку Христос для христианской традиции — это новый Адам. В «Исповедании Евы» упоминается, что, лишившись Эдема, Ева с Адамом сидели у его врат и Адам «упал ничком и рыдал». Однако сам плач в «Исповедании Евы» не приводится. Древнеславянский текст «Слова об Адаме и Евзе от зачала и (до) совершения» по списку Измарагда из РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 794, XVI в. (л. 311 об. — 323 об.) был опубликован Н. С. Тихонравовым.¹⁸ Здесь в уста Евы вложена фраза: «..и седохоми предъ дверми райскими. Адамъ приник к земли плачась... желаше и рыдаша и пребыхом семь днй не ядуше ничтоже и велми взалкахомъ». В упоминавшихся «словах» Епифания Кипрского и Евсевия Александрийского, посвященных событиям в аду после распятия Христа, рассказывается о том, как Адам в ожидании его воскресения и спасения пленников из ада, услышав приближающиеся шаги Иисуса, начал бить себя в грудь и со слезами, «вопия» и плача, молить Господа вывести всех из адской темницы на Божий свет. Если плач Адама пред райскими дверями — это мольба о прощении, покаяние, обращенное к раю как к некоей реальной субстанции («Раю мой, Раю...»), то плач Адама в аду — это плач и мольба к Богу о спасении. Именно на этих двух мотивах строится и духовный стих «Плач Адама», получивший столь широкое распространение в позднейшей рукописной традиции. В богослужении Постной Триоди в сыропустную субботу поется песнопение, которое начинается со слов: «Плакался Адам перед раем сидя». И далее: «Изгнан бысть Адамъ из рая с недю, темже и сидя прямо сего рыдаше, стень умилительнымъ гласомъ и глаголаше: “Увы мне, что пострадахъ окаянный азъ, едину заповедь преступихъ Владычню и благихъ всяческих лишихся”» и т. д.¹⁹ В. Н. Сергеев, автор статьи об изображении изгнания Адама и Евы из рая с надписанным над ним стихом «Плач Адама» на двери жертвенника в одном из храмов рубе-

¹⁶ Slavische Beitrage zu den Biblischen Apocryphen von V. Jagic. Die Altkirchenslavischen texte des Adambuches. Wien, 1893. На эти апокрифические источники «адамической» темы указывала и Hanna Kowalska.

¹⁷ Подробнее см. в нашей статье: *Рождественская М. В. Плач Адама и «адамический текст» в древнеславянской рукописной традиции // Studia Ceranea. Lodz, 2014. № 4. P. 159–168.*

¹⁸ Памятники отреченной русской литературы, собранные Н. С. Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1. С. 11.

¹⁹ Песнопения Постной Триоди, обычного бдения. Богослужения Триоди Постной / Под ред. протоиер. В. Воробьева. М., 2005.

жа XVI—XVII вв. в Московской области, указывал на книжные источники «Плача»: «Это тексты “Постной Триоди”, последования утрени, сырной или сыропустной недели, т. е. “прощеного воскресения”, последнего перед Великим постом, когда вспоминается “изгнание Адамово” и его покаянный плач».²⁰ В. Н. Сергеев привел цитаты из Постной Триоди, о которых применительно к «Плачу Адама» написал, что «несомненны здесь не только смысловая близость, но и совпадение отдельных выражений».²¹ Однако еще В. П. Адрианова-Перетц назвала «Плач Адама» церковным византийским плачем и отметила, что о покаянии и плаче Адама говорится «в каноне утрени сырного воскресения, приписываемом Иосифу Студиту».²² О том, что и песнопение службы, и духовный стих «Плач Адама» имеют своим источником неканонический сюжет, упоминал И. Я. Порфирьев: «под влиянием этих (апокрифических. — М. Р.) Сказаний об Адаме и Еве, — писал он, — составились известный духовный стих Плач Адама, начало которого иногда вставляется в самое Сказание и Сказание о рукописании Адама».²³

Недавно Д. М. Буланин назвал богослужебные тексты-источники покаянных стихов своеобразными «сырыми заготовками», которым, по его словам, «предстояло пополнить ряды стихов покаянных в относительно далекой перспективе».²⁴ Полагаю, что процесс был сложнее и что духовный стих, в данном случае «Плач Адама», формировался постепенно, вбирая в себя элементы устно-поэтической традиции и приобретая эпическую окраску. К тому же при определении источников духовного стиха «Плач Адама о рае» следует также учитывать указанные апокрифические версии сказаний об Адаме и Еве, названные, в частности, И. Я. Порфирьевым и польской исследовательницей Ханной Ковальской.²⁵

«Плач Адама» хорошо известен в древнерусской книжности со второй половины XV в. по списку в одном из энциклопедических сборников Ефросина Белозерского (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086) под названием «стих старина запивом».²⁶ Он начинается со слов: «Плакася Адамъ предъ раемо седя», и далее приводится краткий вариант самого плача. Можно предположить, что Ефросину Белозерскому он был известен не как часть более обширного повествования об Адаме и Еве, а скорее всего, уже как самостоятельный текст. Позднейшему духовному стиху «Плач Адама

²⁰ Сергеев В. Н. Духовный стих «Плач Адама» на иконе // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 283.

²¹ Там же.

²² Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 159.

²³ История русской словесности / Сост. И. Порфирьев. 7-е изд. Казань, 1904. Ч. 1: Древний период: Устная народная и книжная словесность до Петра Великого. С. 247.

²⁴ Буланин Д. М. Текстологические и библиографические арабески. Приложение X: О первоисточниках некоторых стихов покаянных. // Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв.: (Рукописные книги). СПб., 2014 (Studiorum slavico- orbis). Вып. 7. С. 601.

²⁵ См. примеч. 14 и 16.

²⁶ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 317. См.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 136. Впервые опубли.: Симиони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Пг., 1922. Вып. 3. С. 12.

о рае» посвящена достаточно обширная исследовательская литература.²⁷ Уместно вспомнить слова Ф. И. Буслаева о русском духовном стихе как об особом жанре древнерусской книжной и устной традиции: «он даже заменяет молитву, особенно в умильных плачах и душеполезных назиданиях».²⁸

Итак, плач и молитва — два жанра, черты которых использованы Кириллом Туровским в его канонах. Тема человека, оказавшегося в «бездне греховной», составляет также и основу плача-мольбы Адама о спасении из реальной бездны — из ада — в древнерусском апокрифическом «Слове на воскресение Лазаря» рубежа XII—XIII вв., сохранившемся в двух редакциях — Пространной и Краткой.²⁹ Сравним его отдельные фразы и выражения с канонами Кирилла Туровского. Текст «Слова на воскресение Лазаря» приводим по спискам Краткой редакции XV и XVII вв., где плач-мольба Адама в аду, обращенная к Христу, когда он узнал о скором воскресении из ада Лазаря, более обширна, чем в списках Пространной.

Каноны Кирилла Туровского³⁰

Паче всѣхъ безаконствовахъ...

Единому тобѣ Христе *сзгрѣшихъ*
И *паге всѣхъ* тя прогнѣвахъ...

Слово на воскресение Лазаря³¹

Первозданы челоувѣкъ Адамъ, възби
в лице своима рукама
Аще азъ Адамъ *паге всѣхъ согрешихи*.

²⁷ Отметим только наиболее важные для истории текста: Федотов Г. П. Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. статья Н. И. Толстого; Послел. С. Е. Никитиной; Подгот. текста, коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс; Гнозис, 1991 — (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения). Г. П. Федотов обратил особое внимание на два наиболее распространенных стиха, основанные на текстах Священного Писания: это «Плач Адама», переходящий из литургии (из стихир и икоса сыропустной недели) в полустихотворную форму уже в XVI в., и стих «Об Иосифе Прекрасном»; Савельева О. А. 1) Структурные особенности Краткой и Пространной редакций «Плача Адама» // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 152—165; 2) «Плач Адама»: Круг источников и литературная семья памятника // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 164—182. См. также: *Filosofova T. Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestandsaufnahme, Edition, Kommentar.* Böhlau Verlag: Köln; Weimar; Wien, 2010. «Плач Адама» неоднократно издавался в различных сборниках духовных стихов П. Бессоновым, В. Варенцовым, Е. Ляцким, Ф. Селивановым и др. Полную библиографию этих изданий здесь не приводим.

²⁸ Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 451.

²⁹ Из новейших исследований см.: *Рождественская М. В.* 1) Древнерусский апокриф «Слово на воскресение Лазаря»: Некоторые итоги и перспективы изучения // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2008. Вып. 3 (52). С. 135—146; 2) О новых проблемах изучения апокрифического «Слова на воскресение Лазаря» // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 436—449; 3) Еще раз о времени написания «Слова на воскресение Лазаря» // Дар и Долг: Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 250—257.

³⁰ Цитаты приводятся по: *Поньрко Н. В.* Покаянные каноны... С. 252—256.

³¹ ГПНТБ СО РАН (Новосибирск), собр. М. Н. Тихомирова, № 287, XV в.; ИРЛИ РАН, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Новгородско-Псковское, № 34, XVII в.

*свѣтъ възненавидѣвъ во тмѣ
грѣховнѣки заблудил есмь.*

*Въ малъ час рабъ Христов
нарекохся, во вся же дни и донынѣ
грѣховныи рабъ свѣдѣся <...>
вѣчныхъ благъ лишень быхъ.*

*...да и ты от унынья въспряни, омывающи
слезами своя прегрѣшения.*

*На се ли мя еси, Господи, породилъ
коротко на свете твоємъ быти и
многа лета в аду семь мучену быти?*

*Се бо на земли сеи толкъ в малъ
час видѣхомъ добра и се уже у
муки сеи многа лѣта во обидѣ
есмь. В малъ час азъ царь быхъ
всѣмъ тваремъ Божиимъ а нынъ?
многи дни рабъ быхъ аду а бѣсомъ
его полоняникъ. В мало время
свѣтъ твой видѣхомъ а се уже
солнца твоего не вижу
пресвѣтлаго на многа лѣта ни
буря вѣтранныя не слышу*

*мучимы от Сотоны скорбию и
тугою сердцѣ тѣшать и слезами
своими оги и зѣницы омывають.*

Общий покаянно-молитвенный тон этих фрагментов в «Слове» и в канонах Кирилла Туровского обусловил систему оппозиций, построенных на противопоставлении понятий «тогда», т. е. в безгрешном мире рая, и «теперь», т. е. в аду. «Пресветлое» солнце — и тьма смертная, «мал час» — и «долгий век», свобода — и рабство. В «Слове на воскресение Лазаря» не только Адам, но и остальные пленники сидят в этой тьме и муках «от века, очи свои слезами омывают». Не менее выразительно сравнение плача-молитвы Адама из «Слова» с молитвами Кирилла Туровского, в которых можно найти почти дословные совпадения. В данной статье их не приводим, поскольку наше внимание уделено канонам Кирилла.

Те же мотивы «прежде» и «теперь», «что было» и «что стало», противопоставление радости и печали характерны и для других текстов с рассказом о плаче Адама. Так, в одном из сборников Софийского собрания РНБ (№ 1418) середины XVI в. на л. 253 об.—256 об. помещено сочинение под именем Петра Дамаскина, в оглавлении рукописи названное «О плачи Адамли». Оно начинается со слов: «Сѣде Адамъ тогда и плакаше прямо райскыя пища, рукама бия лице свое». Далее Адам «глаголетъ з болѣзнию сердечною: увы мнѣ, что бѣх и что бых, увы мнѣ, что изгубих и что обрѣтох... вмѣсто мира и непрестаннаго веселия страх и болѣзненныя слезы... оле, оле, увы мнѣ, увы мнѣ, что пострадахъ окаанныи» и т. д.

В сборнике того же Софийского собрания РНБ № 1449 читается продолжение этого плача; кроме того, в нем находится еще один «адамический» текст — «Сказание Севериана Гавальского (так в рукописи! — М. Р.) о крестном древе». В известном издании апокрифов и легенд по украинским рукописям XVII—XIX вв. И. Я. Франко также привел тексты «Плача Адама». Один из них содержится, по словам издателя, в рукописи XVII в. (ныне, по-видимому, утраченной) вместе с апокрифическим «Словом Мефодия Патарского», другой — в так называемой «Крехивской Палее». Первая цитата: «и седе Адамъ прямо раю плача ся и бия ся каменем во перси своя, глаголя: Раю, раю, красная доброто, мне ради насажденъ еси, Еввы ради заключенный! Помяни мя, раю, шумением листов твоихъ. О милос-

тиве, помилуй мя падшего!» В других известных мне опубликованных вариантах духовного стиха о плаче Адама о листьях и камне не упоминается. И второй текст по изданию И. Франко: «И плакша Адам горце, глаголя: Раю пресвятый, иже мене ради насоженъ, а Еввы рад(и) затвори! Но молно тебе сотворшаго, да неколи твоих цветецъ насыщаю ся».³² Потерянный Адамом рай предстает, как и в Ветхом Завете, в образе цветущего сада, утраченного Эдема. Приведу еще одно «адамическое» сочинение из рукописного старообрядческого сборника XX в., хранящегося в Научной библиотеке Сыктывкарского государственного университета и принадлежащего Верхнепечорскому собранию под № 8 (ВПр.-8).³³ Это рассказ о плаче Адама, искусно оформленный киноварными заставками и инициалами, начинающийся со слов: «Адамово плачу падение и горкое рая лишение», написанный силлабическим стихом и включающий сам «плач». Здесь также представлена красочная подробная картина потерянного Адамом райского сада-Эдема. Похожий текст встречается и в ряде сборников Усть-Цилемского и других территориальных собраний из Древлехранилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Рукописная старообрядческая традиция знает и еще один вариант стиха «Плач Адама»: в сборнике рубежа XVIII—XIX вв. из частного собрания г. Нижнего Новгорода, этот стих помещен под названием «Книга Небеса о плаче Адамове. Праведное солнце в раю просветилося, плакал Адам пред раем стоя». Сходный вариант этого стиха находим и в других рукописях; он требует отдельного изучения. Все это свидетельствует об определенной продуктивности покаянно-молитвенной темы, заданной богослужебными текстами и отраженной в канонах Кирилла Туровского. Пример тому — запись стиха о плаче Адама, приведенная в сборнике духовных стихов Воронежского края, изданном в Воронеже в 2011 г.: «Сидел Адам в скорбях / У двери рая / И плакал он горько, / Безмерно рыдая... Прости меня, Боже, / Прости, милосердный, / Лукавый опутал, / Виновен безмерно» и т. д.³⁴ Приведенные примеры, близкие по тематике и настроению, несомненно, не полны и нуждаются в более широком сопоставлении и изучении.

Итак, в «покаянном плаче» как жанре соединились скорбь и надежда. Он вбирает в себя темы греха и раскаяния, преступления и наказания, но одновременно и ожидание спасения, которое при усиленной искренней молитве непременно придет. Таков небольшой дополнительный литературный контекст покаянных канонов Кирилла Туровского, столь основательно исследованных Натальей Владимировной Поньрко.

³² Франко І. Апокріфі І легенди з українських рукописів. У Львові, 1896. Т. 1: Апокріфі старозавітні. С. 28—29.

³³ Книжные собрания редкой книги Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета. Путеводитель / Авт.-сост. Е. В. Прокуратова, Н. А. Карманова, Г. Д. Осипова. Сыктывкар, 2006. С. 19. Данный текст с любезного разрешения сотрудницы библиотеки Сыктывкарского гос. университета Е. В. Прокуратовой подготовлен мною к публикации в ближайшем номере журнала «Folia Litteraria Rossica» (Польша), посвященном юбилею проф. Элизы Малэк.

³⁴ Афанасьевский сборник: Материалы и исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. Вып. 10: Духовные стихи Воронежского края / Подгот. текстов, сост. Т. Ф. Пуховой, Т. В. Мануковской, А. А. Чернубаевой. С. 92.